

Сосед попался неразговорчивый, и Ци Сяохэ вскоре тоже заскучал. Он заглянул в свой шкаф — пусто, ничего толком с собой не взял. Зато на столе сожителя выстроилась внушительная, аккуратная стопка книг.

«Нам ведь еще даже учебники не выдали, — подумал Сяохэ, никогда не блиставший в учебе. — Откуда у него столько пособий?» Подобное рвение повергло его в искреннее изумление.

Впрочем, у него самого нашлось занятие. Из дома он прихватил крошечный горшочек с едва проклюнувшимся ростком — поначалу просто хотел украсить комнату, но теперь цветок стал его единственным спасением от скуки.

Так они и провели остаток дня: один увлеченно рыхлил землю в цветочном горшке, другой без устали шуршал страницами, убористо исписывая тетрадь. Никто никого не отвлекал, и в комнате воцарилось на удивление уютное согласие.

Сумерки сгустились, за окном медленно угасал закат. Внезапно над кампусом разнесся мелодичный звон колокола, возвещающий о конце учебного дня.

Линь Цзиньлэ вывел на бумаге последнюю формулу, бегло сверился с ответами в конце пособия и с негромким стуком захлопнул книгу.

Напряженная работа требовала сил, и юноша почувствовал, что проголодался. Вытащив из зазора между книгами пластиковую карту для столовой, он опустил взгляд на ее поверхность, где красовалось его имя.

В начале каждого месяца школа перечисляла на нее пособие для отличников. Этими деньгами можно было расплачиваться в столовой и местном магазине. Пятисот юаней на скромное пропитание хватало с лихвой, но едва дело доходило до бытовых мелочей или канцелярии, бюджет начинал трещать по швам.

При поступлении он получил солидную премию от администрации, но все до последнего юаня перевел на счет дяди — бабушке требовалось дорогое лечение.

Новую стипендию распределяют лишь после полугодовой аттестации, а пока юноше оставалось рассчитывать только на это скромное пособие.

Его лицо оставалось бесстрастным. Аккуратно расставив книги по местам, Цзиньлэ поднялся и отодвинул стул. Привыкший к одиночеству, он не собирался звать с собой соседа и уже взялся за дверную ручку.

Скрип стула заставил Ци Сяохэ обернуться. Заметив, что сосед уходит, он спросил:

— Ты куда?

Линь Цзиньлэ недовольно поджал губы, не желая тратить время на пустые объяснения.

Но этот тепличный мальчик, явно не знавший в жизни никаких забот, истолковал его молчание по-своему. Он всполошился и вихрем подлетел к двери:

— В столовую, да? Я с тобой! Ой, подожди, у меня руки в земле... сейчас помою! Так, а где моя карта? Куда я ее дел? Я же днем ей платил! А, вот она, в кармане...

Цзиньлэ и сам не понимал, откуда в нем взялось терпение стоять и ждать, вместо того чтобы уйти.

Сяохэ подбежал к нему, сияя от радости, и нетерпеливо потянул за рукав:

— Ну всё, идем! Ужасно хочется есть!

Цзиньлэ хмуро скосил глаза на его руку, но стоило ему встретиться взглядом с этими сияющими, искренними глазами, как он невольно замешкался.

— Что такое? — любопытствовал Сяохэ, заглядывая ему в лицо и придвигаясь ближе.

Цзиньлэ поспешно отстранился и сухо бросил:

— Ничего. Идем.

Сяохэ в ответ лишь весело заулыбался.

Но стоило им переступить порог столовой, как Цзиньлэ уловил на себе десятки чужих взглядов. На них смотрели отовсюду: кто-то украдкой, кто-то совершенно не таясь. В уши прокрался шелест чужих перешептываний.

Сяохэ же ровным счетом ничего не замечал. Когда к нему подошла какая-то старшеклассница, чтобы спросить, из какого он класса, он добродушно и честно ответил на все ее вопросы.

Цзиньлэ стиснул зубы. «Просто наивный дурачок».

Неужели все богачи такие недалекие? Впрочем, чему удивляться. Им не приходится ломать голову над тем, найдутся ли завтра деньги на кусок хлеба. Они не знают забот и вечно витают в облаках.

Взгляд Цзиньлэ сделался холодным.

Ничего не подозревающий Сяохэ весело шагал к прилавкам. Столовая школы Цинху ничуть не уступала университетским — глаза разбегались от обилия блюд.

В обед он брал тушеную рыбу, поэтому сейчас решил попробовать что-нибудь другое.

Пристроившись в очередь у соседней раздачи, он обернулся — позади стояли незнакомые ребята. Сяохэ заозирался по сторонам, но соседа нигде не было видно.

Делать нечего, пришлось делать заказ самому. Пожилая раздатчица оказалась на редкость приветливой и щедро положила ему полную порцию ароматной тушеной говядины с зеленью.

— Спасибо большое! — расплылся в улыбке Сяохэ.

Женщина так и засияла от такой вежливости.

Удерживая тяжелый поднос, Сяохэ побрел искать Цзиньлэ. Какая-то девочка предложила ему присесть за их столик, но он вежливо отказался, продолжая высматривать соседа в толпе. Вдруг его кто-то окликнул. Сяохэ обернулся и увидел Хэ Яньяна.

Тот сидел в компании одноклассников. Заметив свободный стул, Яньян замахал рукой:

— Иди сюда! Сяохэ, садись с нами!

Сяохэ направился к ним, но не успел сделать и пары шагов, как заметил Цзиньлэ. Тот стоял неподалеку с подносом. Ожёг Сяохэ холодным взглядом и молча развернулся, собираясь уйти в дальний угол столовой.

— Ребята, в другой раз! — крикнул Сяохэ одноклассникам и бросился вдогонку за соседом.

По пути он едва не сбил с ног какого-то парня. Сяохэ торопливо извинился, но тот лишь густо покраснел и поспешил скрыться.

Когда Сяохэ с размаху опустился на стул прямо напротив Цзиньлэ, тот поднял на него тяжелый, озадаченный взгляд.

— Зачем ты пришел за мной? — наконец не выдержал он, напустив на себя как можно более холодный вид.

Сяохэ посмотрел на него с искренним недоумением:

— Но мы же договорились поужинать вместе. Значит, и сидеть должны за одним столом.

Объяснив очевидное, Сяохэ с воодушевлением схватился за палочки, принимаясь за свой тщательно выбранный ужин.

«Дуралей», — мысленно повторил Цзиньлэ.

Он невольно скользнул взглядом по чужому подносу. Тарелка соседа ломилась от разных видов мяса, гарниров и свежей зелени.

В его же собственной скромно лежали горка риса и порция тушеных побегов бамбука со свиной. Этот ужин стоил едва ли пятую часть от того, что набрал Сяохэ.

Юноша опустил глаза и принялся механически жевать. Ему стало интересно: осилит ли этот избалованный мальчишка такую гору еды?

Чутье его не обмануло. Сяохэ хоть и находился в том возрасте, когда организму требуется много сил для роста, привычкой доедать всё до последней крошки явно не обзавелся. С тоской глядя на сиротливые остатки на своей тарелке и сравнивая их с абсолютно чистой посудой Цзиньлэ, он виновато вздохнул:

— В следующий раз буду брать поменьше.

Цзиньлэ лишь мысленно усмехнулся. Взяв свой поднос, он молча направился к стойке для грязной посуды.

Он полагал, что его неприязнь и желание держаться подальше видны невооруженным глазом, но Сяохэ словно не замечал этих стен и упорно следовал за ним по пятам.

К концу ужина небо окончательно потемнело, окрасившись в густой чернильный цвет. Со стороны стадиона доносился оживленный гул. Сяохэ пристроился рядом с Цзиньлэ, решив немного прогуляться, чтобы утрясти сытный ужин.

Внезапно над школьным двором раздался звонкий голос диктора из динамиков — всех приглашали на стадион, где планировался показ кино под открытым небом. Толпа вокруг тут же пришла в движение. Ребята с веселыми криками побежали к полю, надеясь занять лучшие места.

Ци Сяохэ, никогда в жизни не видевший кино под открытым небом, загорелся этой идеей. Он крепко ухватился за рукав Цзиньлэ и потащил его за собой:

— Быстрее! Побежали, а то все места займут!

Однако утащить соседа оказалось непросто — тот упрямо замер на месте, словно вкопанный.

Сяохэ обернулся. Цзиньлэ стоял с таким скучающим и недовольным видом, будто его заставляли делать нечто глубоко отвратительное.

Сяохэ разочарованно прикусил губу:

— Тебе не хочется?

Цзиньлэ опешил.

В неверном свете уличных фонарей Сяохэ смотрел на него с таким искренним непониманием и легкой обидой, что в ледяной броне Цзиньлэ образовалась едва заметная трещина.

Он приоткрыл было рот, чтобы отрезать привычное «нет», но вместо этого обреченно вздохнул и позволил увлечь себя вслед за остальными.

— Давай сядем на третий ряд! — азартно скомандовал Сяохэ, ведя его к трибунам у края стадиона.

В итоге Цзиньлэ оказался на одном из первых рядов, прямо под прицелом десятков любопытных глаз со стороны верхних секторов.

— Смотри на тех двоих... Один такой суровый, а второй милашка. До чего же красивые!

— По-моему, они потрясающе смотрятся вместе...

— Того, что помрачнее, я знаю. Это Линь Цзиньлэ, он из двадцать третьей школы. Круглый отличник, все олимпиады выигрывал. Правда, говорят, характер у него скверный — ни с кем не общается, вечно один.

— Да ладно тебе, смотри, как они ладят! Сидят рядышком. Боже, какая милая пара, я не могу!..

Легкий ветерок доносил обрывки девичьего шепота. Цзиньлэ расслышал достаточно, чтобы его лицо сделалось еще мрачнее. Он раздраженно поджал губы.

Покосившись на соседа, который от нетерпения едва не сползал со своего места, Цзиньлэ искренне недоумевал.

— Ты что, правда никогда не видел кино на улице? — не удержался он от вопроса. Неужели этот парень действительно вырос в какой-то стерильной оранжерее?

Сяохэ, увлеченно наблюдавший за тем, как завучи настраивают старый проектор, вздрогнул от

неожиданности. Он отвел взгляд от экрана и застенчиво улыбнулся:

— Да. Для меня это впервые.

Цзиньлэ промолчал.

Простой вопрос соседа невольно всколыхнул в памяти Сяохэ воспоминания о прежней элитной международной школе. Разумеется, там устраивали праздники и мероприятия куда роскошнее этого скромного кинопоказа. Однако там его знал каждый встречный. Внимательные взгляды и перешептывания за его спиной в тех стенах были пропитаны ядовитой, едва скрываемой злобой. Ничего общего с нынешним невинным любопытством школьников.

Из-за этого Сяохэ годами старался держаться в тени. Он пропускал любые школьные сборы, выпрашивал освобождения и прятался по углам. Учился он из рук вон плохо, и аттестат ему выдали исключительно из уважения к могущественному семейству Ци.

Но здесь всё было иначе. Это не закрытый пансион для золотой молодежи. Тут никто не знал его имени, никто слыхом не слыхивал о позорном скандале с подменой младенцев в богатом семействе. Сяохэ полюбил новую школу с первого же дня. Здесь он наконец-то мог вздохнуть полной грудью и попробовать всё то, чего так долго лишал себя из страха перед чужим осуждением.

От этой мысли на душе стало тепло, и он невольно улыбнулся своим мыслям.

Пока припозднившиеся ученики спешно рассаживались на трибунах, экран наконец ожил. Разумеется, в образцовом учебном заведении крутили исключительно мотивирующие картины. Выбор пал на зарубежную драму о непутевом двоечнике, который благодаря упорному труду сумел поступить в престижный университет.

История была снята на удивление талантливо и держала в напряжении до самого финала. Сяохэ, знавший не понаслышке, что такое плохие оценки, так проникся сюжетом, что на последних кадрах сжал кулаки и с предельно серьезным видом объявил соседу, что отныне берется за ум.

Цзиньлэ лишь сухо хмыкнул и отвел взгляд от его сияющих глаз.

На обратном пути в общежитие Сяохэ не умолкал ни на минуту. Он увлеченно комментировал каждую мелочь, не оставляя без внимания ни один придорожный куст.

— Ой, они же пластиковые! — Сяохэ подбежал к декоративной изгороди и разочарованно пощупал искусственные лепестки в тусклом свете фонаря. — Зачем нужно было вешать подделку? Неужели нельзя было посадить живые цветы?

Он уже привык к угрюмому молчанию соседа и не ждал ответа, когда из темноты раздался ровный голос Цзиньлэ:

— Молодой господин, вы хоть представляете, во сколько обойдется уход за живой изгородью такой длины?

Слова сорвались с губ прежде, чем Цзиньлэ успел подумать. Заметив, как Сяохэ удивленно округлил глаза, он мысленно обругал себя за несдержанность.

Сяохэ не понимал, почему сосед упорно называет его «молодым господином». Ему хотелось возразить, сказать, что он больше не имеет отношения к этому статусу, но нужные слова никак не шли на ум. Смутившись, он уткнулся взглядом в пеструю пластиковую изгородь и тихо произнес:

— С живыми всё равно было бы лучше. Я пробовал выращивать цветы... Наверное, ты прав, ухаживать за ними слишком дорого.

Цзиньлэ удивленно приподнял бровь. Такое рассудительное замечание от капризного богача прозвучало неожиданно.

Сяохэ отвернулся от изгороди и молча побрел к корпусу.

Пройдя несколько метров, Цзиньлэ поймал себя на мысли, что тишина вокруг стала угнетающей. Без привычной болтовни соседа дорога казалась неестественно долгой.

Он не понимал, с каких пор его начали волновать подобные глупости. Разве он сам не мечтал, чтобы этот надоедливый попутчик наконец замолчал? Но сейчас, когда в тишине аллеи раздавался лишь мерный шорох их шагов, прерываемый редкими криками прохожих, Цзиньлэ не выдержал:

— Чего притих?

Сяохэ вздрогнул от неожиданности и удивленно обернулся:

— Что?

Цзиньлэ скользнул взглядом по его растерянному бледному лицу. Поколебавшись мгновение, он выдавил из себя то, чего никогда и никому раньше не говорил:

— Я... ляпнул что-то не то? Ты обиделся?

Он отвел глаза в сторону, и его голос почти потонул в шуме ветра:

— Если я прозвучал грубо... извини.

Осознав, к чему клонит сосед, Сяохэ изумленно распахнул глаза:

— Да ты что! Всё в порядке, ты ничуть меня не обидел! Не нужно извиняться!

Цзиньлэ продолжал стоять на месте, упорно не желая встречаться с ним взглядом. Тогда Сяохэ, мягко улыбнувшись, шагнул ближе и легонько потянул его за собой. Почувствовав мимолетное прикосновение теплой ладони, Цзиньлэ инстинктивно дернулся назад, но Сяохэ уже крепко перехватил его за край рукава.

Парень тут же завел свою привычную шарманку, без умолку болтая обо всем подряд. Цзиньлэ мысленно перевел дух, хотя в глубине души всё еще недоумевал, с какой стати он печется о настроении совершенно постороннего человека.

Желтый свет фонарей мягко очерчивал улыбающееся лицо Сяохэ, и Цзиньлэ на секунду засмотрелся.

Затем он мысленно прокрутил в голове последние слова соседа и нахмурился. Сяохэ заверил, что его не задел тон и извинения излишни, но... он ведь так и не ответил, расстроился ли на самом деле.

Значит, ему всё-таки было грустно?

Впрочем, сейчас Сяохэ, весело вприпрыжку тащивший его к жилому корпусу, выглядел абсолютно счастливым. Цзиньлэ почувствовал, как напряжение окончательно покидает его, и выбросил лишние мысли из головы.

<http://bllate.org/book/19821/1988512>